

ПОП-СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.754.4

ГРЕХ ЛЖИ: ФАКТ И ОБЪЕКТ

Р.Н. Ибрагимов, М.В. Вернер,
Хакасский государственный университет
им. Н.Ф. Катанова

dison1@mail.ru, ProstoVerner@mail.ru

Статья содержит методологическое обоснование и опыт эмпирического исследования лжи как греха средствами социологии.

Ключевые слова: аксиологическая деформация, грех, депроблематизация, интенция осуждения, ложь, социокультурное эхо, проблематизация.

Пафос Просвещения часто звучит в социологическом дискурсе. Достаточно вбросить фразу «религиозная социология», чтобы получить суровый и прогнозируемый отпор – социолог не должен отталкиваться от религиозных догматов, отставив их. К сожалению, та же логика переносится и на отношение к морали. Например, так: «опросные методы останавливаются перед моральной проблематикой в недоумении»¹.

Увы, в природу социологии заложен ген позитивизма. Этот ген заставляет вполне здоровое табу на собственное морализирование расширять до запрета на усмотрение «чужих» морализаций. Это, в свою очередь, затрудняет теоретическую рефлексию греха, поскольку, с социологической точки зрения, социологическое сообщество – это сообщество профессиональных депроблематизаторов морали. Они договорились считать, что моральных феноменов

не существует. Как поется в песне, «любовь здесь больше не живет». Но это автоматически означает, что их, моральных явлений, удостоверенно не существует только в сообществе социологов, отрицающих их существование.

В той же реальности, которая составляет объект социологии, в реальном обществе люди в массовом порядке маркируют друг друга тавром «сладострастника», «жадины» или «лентяя». Социальная среда буквально истыкана векторами с «табличками» моральных оценок. На языке формальной логики моральная оценка высказывается в аксиологической модальности, а указание на моральный грех конкретизируется в отрицательной аксиологической модальности. Иными словами, моральная оценка греха, нравственное обнаружение чужого греха есть, на сциентическом языке, обнаружение **аксиологической деформации**.

Грех (лат. peccantia) – это результат социально-интенциональной маркировки. Маркировки – потому что представляет собой продукт комплексного чувственно-

¹ New library.ru / Новая электронная библиотека [Электронный ресурс] / Батыгин Г.С. Как невозможна социология морали. – Режим доступа: http://read.newlibrary.ru/read/batygin_g_s_/kak_nevozmozhna_sociologija_morali.html

эмоционально-рационально-волевого интенционального акта закрепления значения.

Интенциональной – потому что название грехом есть направленное тематическое обнаружение. Иллюзорная составляющая в интенции греха, безусловно, имеется – ровно в той же мере, в какой пропитано иллюзией все социальное бытие. За пределами белокурой головки девочки, грозящей пальчиком своей кошке за разбитую чашку, не существует кошек, одержимых комплексом вины. Там нет «коварных» лисиц, «противных» тараканов, «вредных» тещ. Ровно в той же степени, как и «диктаторов», «преступников». И «фальсификаторов».

Социальной – потому что вектор маркировки направлен не только внутрь, но и вовне обнаруживающего индивида. По двум причинам. Во-первых, способность воспринимать реальность в координатах «грех–добродетель» есть предмет социального научения. Неважно, какими средствами достигается это научение, простыми (мимезис) или сложными (проповедь). Во-вторых, даже «внутри себя» **грех** обнаруживается как **иллюзорно-публичная, условно-публичная неполноценность**. Если вор перестает стесняться и скрывать своих деяний, отбрасывает моральные «предрасудки», превращаясь в мародера, исчезает и самая социальность.

Какую социальную функцию несет в себе грех? Детальный ответ на этот вопрос затрудняется тремя ограничениями. Во-первых, дискурсивным масштабом. Даже пресловутая формула «семи смертных грехов» предполагает пропорциональное членение исследования, что в пределах одной статьи трудно осуществимо. Не отказываясь в будущем от фронтального изучения проблематики греха в целом, специально

мы остановимся лишь на одном примере – Лжи.

Второе ограничение – методологическое. Будучи однотипными в плане механизма социальной маркировки (обвинение, проблематизация), грехи содержательно сильно различаются. Например, жадность даже без всякого исследования ни за что не перепутаешь с гневом, как не перепутаешь ванильное и шоколадное мороженое. Это автоматически ставит вопрос о методологической специфике изучения каждого из грехов по отдельности.

Третье ограничение представляет собой требование подходить к анализу феномена греха с позиций принципа историзма. Конкретнее: необходимо понимать, что моральные страх, стыд и совесть – как сами по себе, так и по конкретным поводам – есть стадии и продукты эволюции нравственной культуры в конкретных социальных условиях. Эта идея получила блестящее выражение в трудах отечественных философов (А.А. Гусейнов, А.Г. Апресян)², но, к сожалению, до социологической апробации так и не дошла. А напрасно, потому что буквально на наших глазах исторический алгоритм разворачивается в прямо противоположном направлении – к первобытному и далее к животному этосу. Молодому хулигану 30-летней давности даже в голову не пришло бы поджигать живого бомжа только «ради интереса».

Если вкратце рассматривать социокультурный генезис проблематики греха, его вектор выстроится в следующем направлении. Античное отношение к общественно опасным явлениям акцентировалось на уже свершившихся действиях. Современный

² Например, Апресян Р.Г. Постигание добра. – М.: Мол. гвардия, 1986.; Гусейнов А.А. Введение в этику. – М.: Изд-во МГУ, 1985.

взгляд на вещи примерно напоминает его: заявление в полицию имеет смысл писать лишь после того, как вас уже убили.

Христиане учли этот недостаток и продвинулись существенно дальше. Не отменяя античного римского права (по крайней мере, на византийском этапе средневековой истории), они за пределами светской создали особую регулятивную систему «профилактики» аксиологических деформаций. Центральное место в этой системе занимает концепт **греха**. Если перевести на современный язык, **грех – это понятийное обозначение для интенции осуждения, способ опережающей маркировки «зла» в социальном пространстве.**

Поясним. Грехами объявляются не действия, а мотивы. Так, например, Ложь и заблуждение сами по себе содержательно не отличаются ничем, их отличает именно мотив. Ложь есть проявление лживости. Ложь свершившаяся есть онтологическое Зло, но таковым его делает только и единственно паскудное желание Лгуна обжегорить ближнего. Уличение во Лжи – это уличение в желании солгать, а не в несовпадении действительного и высказанного. Грехом является не Ложь, а лживость, в сциентической терминологии – фальсеологическая интенция.

О том, что мотивация – это поисковая задача социологии, говорил еще Дюркгейм. И в этом плане позиция христианства и других солидарных с ним идеологий находится на одной методологической платформе с социологией. Но развернутую социальную программу самостоятельного обнаружения и погашения потенциально опасных мотиваций силами самих носителей этих мотиваций сформулировали и, главное, успешно воплотили в жизнь авторитеты ранней христианской теологии –

Ориген, Григорий Великий и др. По их замыслу, маркировка «грех» – это отрицательная ценность, антиценность, инверсия положительных моральных ценностей – совести, смирения, умеренности, человеколюбия.

Среди этих ценностей важнейшее место занимает Искренность. Вопрос о различии Правды и Истины, регулярно дебатировавшийся в последние десятилетия, по существу также получил ответ еще в середине 1-го тысячелетия: мотивом Правды является Искренность, истина же в узком ее смысле, отличном от Правды, эмоционально импотентна.

Искренность – это из разряда психологии, но заведомое преимущество самого заухудалого сектантского проповедника перед самым «авторитетным» ученым в части общественного доверия – это, бесспорно, уже явление социальное. Людям нужна не информация, люди стосковались по искренности. Мы по привычке считаем секуляризацию общественной жизни и рост дефицита взаимного доверия между людьми просто параллельными процессами; так не пора ли увязать их хотя бы гипотетически? Не слишком ли много исключений из максимы «лгать стыдно» встречает современный человек, не слишком ли рано и разнообразно?

Ложь и, как следствие, недоверие не просто постыдны – это не предмет теоретического разбирательства, – они снижают энергетическую эффективность общественной системы. Пример. Представим себе два условных сообщества. Первое на сто процентов состоит из носителей развитой совести, второе – на сто процентов из явных носителей аксиологической деформации. В первом для заключения договора достаточно ударить по рукам – без всяких

нотариатов, судов и приставов. И наоборот, вероятность сплетен, мошенничеств, попыток избавиться от надоевших родителей и детей, подпалить жилище соседа, очевидно, во втором случае будет намного выше, чем в первом. А значит, что потребность надзора и карательных санкций здесь также будет более очевидной социальной потребностью – в противном случае «прохиндейский» социум немедленно ввергнется в хаос «войны всех против всех». И надзирать, естественно, станут некоторые из прохиндеев, которые, естественно, станут клясться и божиться своей честью и неподкупностью.

Разные подсистемы общества подвержены фальсеологическим деформациям в разной степени и формах, но индульгенции на руках нет ни у одной из них. Казалось бы, уж социальный институт науки точно защищен от проблемы Лжи – и практически, и этически. Практически, поскольку генерирование Истины – ее главная функция; этически, поскольку рыцарственное служение Истине – ее, науки, негласный общественный договор.

Тем не менее даже в случаях культовых «страдальцев за чистоту научной истины», например Сократа или Бруно, тематическим фоном сквозит проблема «идеологических поправок». Слово «идеология» в устах ученого не содержит априори какой-либо обвинительной интенции. Ученый, придерживаясь позиции аксиологической нейтральности, объективно исследует идеологические программы, формы и методы работы, ее субъектов и объектов. Однако даже в пределах того же текстуального массива тот же ученый может высказаться примерно так: «Ваши утверждения – не теория, а идеология». Нетрудно убедиться, что в термине «идео-

логия», прежде аксиологически нейтральном, возникает обвинительный пафос. По существу здесь «теория» отождествляется с Истиной, а «идеология» – с Ложью. Интенция обвинения не чужда даже научному дискурсу.

Но Ложь даже в науке проявляет себя не только в виде пропагандистских истерик. Еще один такой пример – плагиат. Можно сколько угодно чистоплюйствовать, дескать, плагиатор – это не настоящий ученый, и уповать на негласное презрение как инструмент изоляции Агунов. Но в этом случае имеется не просто социальный, а вполне материальный показатель формализации, институционализации, закрепления Лжи именно как греха – программа «Антиплагиат». Плагиатор – это именно социально-институциональный факт, поскольку он – объект институционально организованной борьбы.

Опыт эмпирического исследования проблемы мы предприняли применительно к другой сфере общественной жизни – образованию, которое, как и наука, по привычке еще позиционируется как носитель позитивных ценностных установок. Учитель, преподаватель – как минимум в собственных глазах – образцы и проводники высокой нравственности. Естественно, это – лишь социокультурное «эхо», отголосок времен, когда нынешние пожилые, будучи детьми, «даже не догадывались, что учителя писают». Последние 20–25 лет сильно обтрепали перья с ангельских крыльев. Опросы показали, что в числе наиболее коррумпированных профессий общественность располагает сферу образования на местах от 2 до 6.

Конкретно-практическое изучение институциональной сублимации греха Лжи мы сосредоточили на одном из процедур-

ных апофеозов высшего образования – экзаменационной сессии. Многочисленные скандалы в прессе, слухи, легенды и домыслы о нечистоплотности участников – неплохое основание для формулировки рабочих гипотез. Естественно, уголовно- и административно-правовой сегменты всего спектра проявлений преднамеренных имитаций мы опустили – не наши полномочия, не наш интерес, да и респондент нынче пошел пугливый.

Выявление состояния проблематизации греха лживости в обществе – задача сложная и в то же время увлекательная. Опрашивать гипотетических агентов о том, не агенты ли они – ничего не напоминает? Правильно, парадокс «Критянин». Это показывает, что тщательной проработки требуют здесь не только методология, но и методика, и техника. Например, степень доверительности между интервьюером и респондентом – критерий в исследовании Лжи намного более значимый, чем в исследованиях, например, покупательских предпочтений.

Кроме того, в любом развитом, дифференцированном обществе всегда имеет место статистическое распределение мнений и позиций, которые представляют собой диахронический срез определенных процессов. В нашем случае таким процессом является превращение отношения ко лжи как к греху в состояние почти полной неменяемости.

Так, подавляющее большинство опрошенных студентов знают о том, что в их вузе бывают случаи, когда преподаватели ставят студентам оценки, не соответствующие их реальным знаниям. Эталонная позиция (идеальный тип), означающая понимание пользы, смысла и предназначения контрольных процедур (и высшего образо-

вания в целом), добровольное приятие необходимости экзамена и уверенность в том, что респондент «не списывал и не спешит никогда», отразилась в 2,8 %. Из них считают, что с фальсологическими, «маскировочными» искажениями необходимо бороться, составила 1,3 %. Это именно те, кто только и должен, согласно декларациям, учиться в наших вузах.

Социокультурное эхо стигматизации Лжи ощущается в позиции другой группы, составляющей 36,4 %. Эти студенты осознают, что подобное имитативное оценивание пагубно отражается на качестве образования специалистов, но находят отговорку в том, что «это все же стало устойчивой социальной практикой». Иными словами, «мы как все». Таким образом, одним из путей фальсологической эрозии является мимезис.

Оправдывают свое списывание желанием «экономить время и усилия» 27,3 %. Они овеществляют не этап, а, скорее, иную форму депроблематизации Лжи – экономическую. Проблема «Бог или Маммона?» – одна из основных в морали, и сопровождается гигабайтами комментариев, от теологических до эстетических. Не будем пока включаться в этот дискурс, оставим лишь зарубку: в любой произвольный момент времени примерно четверть генсовокупности находится на полпути от «добродетели» до «греха», утешаясь махистским аргументом.

Интересной для интерпретации оказалась еще одна группа студентов, которые при подготовке к экзамену ориентируются на ситуацию, а именно на репутацию преподавателя, которому им предстоит сдавать экзамен. Их оказалось 33,6 %. Такая избирательность может означать только то, что многие студенты не только считают, что

«ложные» взаимодействия на экзамене нормальны, но и ожидают от преподавателя соответствующего поведения. Ожидание, обнаружение, коррекция действий – это признаки интеракции, и этот, тоже промежуточный, вариант эрозии условно назван социологическим.

Антиэталон, социальной патологией следует считать ту позицию, в которой социокультурное эхо пеккантизации, «огрехования» Лжи уже не слышится вовсе. По нашим подсчетам, она представлена у 23,8 % студентов. Они оценивают подобные ситуации как нормальное, естественное положение вещей. Не стоит напоминать, что ощущение нормальности возникает у субъектов в результате регулярности, повторяемости «нормальных» практик. Из этой категории 14,4 % респондентов прямо заявляют, что «списывали, списывают и будут списывать».

В свою очередь, опрос преподавателей показал, что большинство опрошенных нами преподавателей (95,6 %) чаще или реже вынуждены выставлять как минимум «удовлетворительные» оценки тем студентам, знания которых явно не соответствуют необходимому минимуму.

Говоря о причинах, вынуждающих их выставлять незаслуженные оценки, 36,4 % преподавателей говорят о сочувствии к студенту, о нежелании, чтобы из-за их предмета кто-то был отчислен или лишен академической стипендии. К сожалению, форма опроса не позволяет определить, в каких случаях мы имеем дело с искренним соболезнованием, а в каких – со скрытым самооправданием, маскирующим цинизм. Но важен факт, что даже в последнем случае отчетливо заметно построение жизненной позиции в координатах «грех(безжалостность)–добродетель(сочувствие)».

Примыкает к этой позиции группа из 13,2 % признавших, что идут навстречу «близкому человеку или коллеге».

Обильно представлен у преподавательского корпуса также и экономизм. Оправдывают свое «подмахивание» экономией усилий 18,2 %. Поскольку мы намеренно исключили из опросника коррупционную тематику, гипотетически и эксплицитно мздоимческая мотивация присутствует во всех трех позициях.

Еще одна градация преподавателей-респондентов названа нами «страдальцами». Свою практику завышения оценок и незамечания «флагоносцев» они оправдывают «ограничениями со стороны руководства». Таких немного-немало – 59,1 % ! Прессинг ректоратов и деканатов, вплоть до угроз и запугивания, действительно имеет место; и проблема, почему интересы двоечников и начальства в российском высшем образовании неизменно совпадают, нуждается в отдельном дальнейшем исследовании. Но авторам не известен ни один случай увольнения преподавателя за излишнюю принципиальность на экзамене. Этот случай интересен тем, что депроблематизация Лжи осуществляется здесь путем экранирования в другую смысловую плоскость, в другую систему координат – «насилие–страдание».

Пассионарную позицию, выражающуюся в убеждении, что с имитативностью экзамена надо бороться, выразили 18,2 % преподавателей, смирились с неизбежностью этого Зла с признаками социокультурного эха 72,7 %, а конечную стадию депроблематизации Лжи с заявлением, что имитация – это лишь «адекватная реакция на обстоятельство», представляют 13,6 %.

Полагаем, актуальность представленной проблематики уже явственно проступила

через сухие проценты. Даже чисто статистически вероятность встречи 97,2 % недобросовестных студентов и 81,8 % «смирившихся» преподавателей приближается к абсолютной. Но их встреча носит не случайный, а институционально организованный и административно подкрепленный характер. При этом неизбежно происходит этическое оформление процесса аксиологической эрозии, превращение нравственности в профессиональную этику.

В заключение – любопытная параллель. Как известно, свои параметры нынешняя система высшего образования возводит к модели средневекового университета, заведения религиозного как идеологически, так и организационно. Экзамен в нем понимался как своеобразный тренинг Страшного Суда, где в цене не только знание Истины, но и демонстрация Искренности. Уче-

ба и преподавание декларировались как вид служения в самом высоком смысле.

В наши обезбоженные времена мотив служения не просто вымывается «сам по себе», он планомерно выдавливается под циничные декларации «миссий» и «призваний». Возврат к прошлому невозможен. Но каким будет завтрашний день вуза в свете вновь открывшихся обстоятельств?

Литература

Апресян Р.Г. Постигание добра. – М.: Мол. гвардия, 1986. – 207 с.

Гусейнов А.А. Введение в этику. – М.: Изд-во МГУ, 1985. – 208 с.

Батыгин Г.С. Как невозможна социология морали. New library.ru / Новая электронная библиотека [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://read.newlibrary.ru/read/batygin_g_s_/kak_nevozmozhna_sociologija_morali.html